

Евгений Киселев: Я часто ошибался в людях и дорого за это платил

Веч. Москва - 2004 - 17 февр. - с. 5

«Итогов»-то уже нет

— Евгений Алексеевич, не ощущаете себя часом в газете Наполеоном на острове Святой Елены?

— (Приподняв бровь) Да господь с вами. Мне даже в голову такое не приходило. Остров Святой Елены — это очень далеко. Вы знаете, что это последний в мире кусочек суши, куда нельзя долететь самолетом? Он является перевалочной базой для торговых судов, которые идут из Европы к югу Африки и останавливаются, чтобы заправиться пресной водой. Аэродрома там нет, так что здание на Загородном шоссе, где мы с вами разговариваем, уж никак нельзя сравнить с островом Святой Елены. И даже с Эльбой (улыбается снисходительно).

— Но ссылку все же напоминают, а?

— Ну, во-первых, меня никто никуда несылал — так жизнь сложилась. Во-вторых, были предложения и телевизионного свойства. Вон господин Сенкевич звал меня к себе советником, и никто не мешал мне принять это сомнительного свойства предложение. Но я решил, что на данном этапе «Московские новости», как ни странно, дают больше возможностей влиять на общественное мнение — пусть даже в небольшом секторе. Ведь чтобы влиять на общественное мнение, надо, прежде всего, влиять на его активную часть. Думаю, среди читателей еженедельника очень много таких людей. И потом, здесь действительно один из последних островков полной свободы журналистики. Здесь нет никаких ограничений, кроме одного — нельзя писать плохо.

— То есть «островок» все-таки присутствует?

— Мне было интересно попробовать себя в печатной журналистике. Что называется, граду и миру показать, что опытный телевизионный журналист может быть и хорошим газетчиком, и хорошим главным редактором. Мы знаем много примеров того, как люди из газеты приходили на телевидение. Обратного пути не совершал никто — я, возможно, первый.

— Как коллектив «МН» встретил нового босса, к тому же столь именитого?

— Никаких конфликтов у меня не было.

Тут в кабинет заходит секретарша Евгения Алексеевича и энергично, со звоном, ставит на стол начальника чашку с кофе на блюдечке. Кофе переливается через край. Евгений Алексеевич невозмутимо обтирает чашку салфеткой и привставая переставляет ее на другое блюдце.

— С моими заместителями, с руководителями отделов, как мне кажется, у меня полное взаимопонимание, и работаем мы командой. Это очень важно, я всегда исповедовал принцип командной работы — когда люди понимают друг друга, даже несмотря на то, что могут быть разногласия, разные взгляды на те или иные проблемы.

— Вы задумываетесь о том, что НТВ, возможно, главная часть вашей жизни, которая уже позади?

— НТВ было очень важным этапом в моей жизни. Все-таки в значительной степени это была моя идея — создать канал. Что бы ни говорили мои недоброжелатели, это объективный исторический факт. (Все громче.) Я четко знаю, как много сделал для этой компании. Очень важно самому быть уверенным в том, что это так. А главная часть моей жизни еще впереди.

Евгений Киселев «строит» новую концепцию газеты «Московские новости». Ему то и дело звонят подчиненные. Самая большая путаница, насколько я поняла, с программой телевидения. «Вы анонсируйте те передачи, которые выходят разово, а не постоянно. «Намедни», «Итоги», «Времена» каждую неделю показывают — они и так всем известны, — напугивает Евгений Алексеевич абонента. И грустно спохватывается: Ой, извините, «Итогов»-то уже нет...»

Есть люблю, а так нет

— Когда в 2001 году вы звали народ к «Останкино», отдавали себе отчет в том, что претендуете на роль, так сказать, властителя человеческих дум?

— Пафосное это определение — властитель дум. (После паузы.) Есть такая традиция, сугубо российский: у нас позт больше, чем поэт, писатель больше, чем писатель, музыкант больше, чем музыкант. Порой и журналист может быть больше, чем журналист. На самом деле журналисту больше, чем писателю, поэту, музыканту, свойственно быть властителем дум. Не отношу это к себе. Но журналист по определению говорит на злобу дня. И если нет обратной связи с аудиторией, грош цена такому журналисту.

— Что вы считаете своим главным достижением на ТВ?

— Я научился формировать, собирать вокруг себя людей. Сейчас я очень хорошо это понимаю. По-прежнему раз в несколько месяцев так называемая команда Киселева собирается у меня дома. Просто для того, чтобы поговорить, пообщаться. Я уже не начинал никому из них, каждый сам по себе. Но тем

Аудиенции у Евгения Киселева я добивалась два месяца. Когда мы с фотографом наконец приехали в офис еженедельника «Московские новости», где Евгений Алексеевич сейчас главный редактор, выяснилось, что Киселев проводит совещание. Ждать пришлось сорок минут. Наконец нас пригласили в кабинет. Высокий импозантный джентльмен в сползающих на кончик носа очках немно-

ФОТО ОЛЕГА ЕРМОЛОВА

не менее люди ко мне приходят, это здорово.

— Кто сейчас входит в команду Киселева?

— (С тяжелым вздохом.) Я бы постерегся давать длинный список. Кого-то не назову — обижу. Это Михаил Осокин... Нет, знаете, не буду называть фамилий! В последний раз, когда мы собирались перед Новым годом, было человек тридцать. Потому и не хотелось бы весь этот список поименно воспроизводить.

— Ваша жена продолжает работать не телевидении, вам же пришлось уйти в газету. Мужское самлюбие не уязвлено?

— Нет, ведь Маша по сути дела снимает документальные фильмы. Она работает не в штате компании «Останкино», а на маленькой телевизионной студии. А жизнь такой студии, которая работает независимо, знаете ли, совсем не похожа на жизнь «больших» НТВ или других каналов. Немножко разные вещи.

— Часто смотрите сейчас телевизор?

— Реже, чем раньше. Когда я занимал руководящие посты в разных телекомпаниях, мне приходилось внимательно смотреть и собственный эфир, и передачи компаний-конкурентов. Сейчас смотрю в основном информационные программы — выпуски новостей, еженедельные итоговые шоу. У меня изменился взгляд...

— Вы «перешли» в любители?

— Нет, я смотрю профессионально, но телевидение для меня теперь в большей степени источник информации. Уже нет острой необходимости следить за малейшими изменениями на телерынке. Скажем, не нужно больше высказывать у экрана во время телесериалов и сравнивать их достоинства и недостатки, думать над тем, какие форматы на сегодняшний день более перспективны, куда двигаться, что развивать — документальное кино, ток-шоу, игровые жанры.

— Евгений Киселев смотрел «мыльные оперы»?!

— Приходилось! И сериалы, и пилоты программ. Независимые телепроизводители приносили кассеты с экспериментальными записями, предлагали свои проекты. (Вздыхает.) Куда уж тут деваться. Знаете, есть такой старый анекдот: «Помидоры любил?» — Есть люблю, а так нет».

У меня не было выбора

— Вы здороваетесь, скажем, с Леонидом Парфеновым?

— (Неуверенно.) Вы знаете, я последний раз с ним здоровался за руку, когда он заходил в мою студию... Да нет, ну как-то (задумавшись)... Просто начал вспоминать, когда это было, но передумал. Я вам так отвечу. Мы с ним практически не видимся и едва ли будем часто встречаться в будущем. (Решительно.) Нет. Я скажу так. Все предыдущее зачеркните. (Уже нейтральным тоном ведущего «Итогов».) Я очень хорошо помню, кто как себя вел в тяжелой, кризисной ситуации, кто делал какой выбор. Но оставил все в прошлом. Это не более чем тема для неторопливого рассказа в книжке мемуаров, которую я когда-нибудь напишу.

— В ваших воспоминаниях об

НТВ, которые опубликовала «Газета», ваш бывший соратник Олег Добродеев выглядит предателем «общего дела».

— На мой взгляд, тональность была сложнее. Вы прочитали так, думаю, что кто-то прочитал иначе. Олег Борисович — фигура очень сложная, совершенно неоднозначная. Он очень много сделал для телевидения, в том числе для НТВ — и хорошего, и плохого. И возможно, о многом еще рано говорить. Но я бы постерегся от однозначных оценок в адрес этого человека. К примеру, уже четыре года, как он возглавляет «Российское государственное телевидение» на втором канале. С одной стороны, там есть объективные достижения — возросли рейтинги, колоссальным образом улучшился кинопоказ, были сделаны блестящие сериалы — «Бригада», «Идиот» и другие. С другой стороны, некогда «мятежные» «Вести», вообще вся информация и аналитика превратились в унылый, политкорректный, беспольный официоз. И ведущие все под стать: какие-то беспольные. Боюсь, что в итоге Олег Борисович войдет в историю не «Бригадой» и не «Идиотом» — это все же достижения Тодоровского, а превращением информации в президентскую, проправительственную пропаганду. Хотя, надо признать, делает он это тонко и талантливо.

— А вы как считаете: все делали правильно?

— Смотря что вы имеете в виду. Я думаю, ошибок было допущено немало. Но есть один принципиальный вопрос. В апреле 2001 года у меня не было другого внутреннего, морального выбора. В силу многих причин я не мог тогда остаться на

Я последний раз здоровался за руку с Парфеновым... Начал вспоминать, когда это было, но передумал. Я вам так отвечу. Я очень хорошо помню, кто делал какой выбор

НТВ так, как остались некоторые. По-прежнему убежден, что уход на ТВ-6 был правильным выбором. А дальше... А дальше было допущено много ошибок, в том числе и человеческих. У меня есть одна черта характера — я доверяю людям, порой сверх меры. Стремлюсь видеть в них хорошее и при этом не замечаю плохого. Это и слабость, и в то же время сильное качество. Легче жить, когда ты думаешь, что вокруг тебя больше хороших людей, чем плохих. Я часто ошибался в людях и порой за это дорого платил. К сожалению, некоторые люди, к которым я относился очень хорошо, действительно меня предали. Ну что же сделать? Зато я искренне к ним хорошо относился.

Я повзрослел на десять лет!

— Вы начинали на телевидении с образа этакого «своего парня». А в последние годы, мне кажется, приобрели определенную... монументальность. Это следствие осознания собственных заслуг?

— Я, во-первых, так не думаю. Никогда не стремился к образу своего парня. Знаете, у «взглядовцев» Влада Листьева, Саши Люби-

го смущен и, чудится мне, несколько разочарован в жизни. Взвешивает каждое слово. Долгие раздумчивые паузы. Изъясняется учтиво и старомодно. После пары вопросов просит разрешения сходить за сигаретами и нервно закуривает. В глаза почти не смотрит. Иногда кажется, что он вот-вот заплачет. Так выглядит Евгений Киселев сегодня.

мова, Димы Захарова, Володи Мукосова, Славы Флярковского — вот у них был образ «своих ребят». Они могли выйти в майках с надписью «Да здравствует перестройка!» или что-то в этом роде. Я же с самого начала телевизионной карьеры был в рубашке и в галстуке. По-моему, первый раз без галстука я появился в программе «Глас народа». Мы с режиссером тогда придумали этот ход, чтобы мой образ от «Итогов» как-то отличался. Киселев встал из кресла, стал двигаться, ходить по студии. Выяснилось, что он может улыбаться, реагировать на вопросы в прямом эфире, шутить, вступать в сиюминутную полемику с аудиторией. И еще я всегда вел программу в черной водолазке. Пожалуй, это было первое сознательное решение с точки зрения имиджа. В остальном же я исходил из того, что мне к лицу синий цвет, поэтому выступал в костюмах синего цвета и старался при этом надевать яркий галстук. Но это было абсолютно мое собственное вкусовое решение.

— И все-таки: как насчет монументальности?

— Я не очень хорошо понимаю, что вы вкладываете в это понятие. Вот замечательный журналист Евгений Ревенко работал на НТВ, и я убежден, был блестящим репортером. Но сел он в кадр как ведущий, все вроде делает правильно, как по учебнику — хоть и учебник такой пока что не написан. А в кадре он такой мальчик-отличник. Впрочем, я смотрел свои выпуски «Итогов» 1992, 1993 годов. Конечно, Киселев-92 сильно отличается от Киселева 2000—2001 года. Но я все-таки повзрослел на десять лет! Даже на

— Да, конечно. Хотя не могу сказать, что прочесываю Интернет в поисках шуток о себе. Я человек терпимый и незлобивый. Если удачная шутка, почему бы не посмеяться вместе со всеми?

— Над какой смеялись?

— Ой... Я в институте учил персидский язык и до сих пор владею им, скажем так, в пассивном режиме. Просто надо попасть в среду — и заговорю так же свободно, как тогда, когда работал переводчиком в Иране в конце 70-х годов. Вот очень часто люди, которые узнают, что я учил персидский язык и по диплому являюсь не только историком, но и переводчиком-референтом, говорят: «Ну скажи чего-нибудь по-персидски!» В этот момент могу завизжать как компьютер. Выдавить из себя невозможно ничего! (Смеется.) Так же и тут. Не помню!

Моя запаска стоит дороже

— Наверное, не самое это приятное ощущение, Евгений Алексеевич, когда вся жизнь на виду?

— Публичная известность приятно щекочет самолюбие первые три-четыре дня, пока ты осознаешь, что тебя уже узнают на улице. Потом к этому привыкаешь, как к некоей неприятной необходимости что-то терпеть. Ну вот живем мы в стране, где зима продолжается 4, 5, а то и 8 месяцев. Приходится терпеть. Так и с телевизионной известностью. Да, ты на виду, ну что делать? Я очень мало бываю на людях. По Москве езжу в основном на машине. Максимум, что со мной случается: гуляю с собакой около дома — нечасто, захожу в магазин — нечасто. Хожу в театр — очень редко. В ресторанах бываю. Поскольку девятую процентов моего времени отнимает работа, от публичности не страдаю. Я выстроил систему защиты — как психологической, так и сугубо бытовой. На людях появляюсь на несколько секунд — ровно столько требуется, чтобы выйти из подъезда и сесть в машину.

— Как в магазине реагируют на ваше появление?

— Бывает, что просят автограф. Знаете, в последнее время развелось много людей, которые ходят по городу с фотоаппаратами — уж не знаю, почему. Причем не с этими новомодными штучками в мобильном, а с обычными «мыльницами». Часто просят сфотографироваться. Автографы даю, фотографироваться с незнакомыми людьми не соглашаюсь. Не хочу конкретно ни о ком сказать плохо, но была масса случаев, когда люди спекулировали подобным рода снимками: «А вот я знаком с Евгением Киселевым, мы на фото вместе».

— История с конфискованным у вас «Лэндровером» до сих пор покрыта мраком. Известно лишь, что Евгения Киселева остановила милиция и изъала у него машину — за долги.

— Ну, это просто маразм был. Я, честно говоря, уже даже не помню деталей. Вдруг откуда ни возьмись появился иск какого-то губернатора — уж не помню, о ком именно шла речь. Дело о защите чести и достоинства, где главным ответчиком был кто-то из наших журналистов. Это относилось даже не к ТВ-6, а к НТВ. И как выяснилось, я, то ли как генеральный директор НТВ, то ли

как ведущий программы «Итоги», проходил как ответчик и должен был возместить моральный ущерб в размере, по-моему, четырех или пяти тысяч рублей. Я рассмеялся, сказал: «Замечательные у нас губернаторы, раз они так высоко оценивают свои честь и достоинство». Спросил у милиционеров: «Ребят, машина стоит чуточку больше, чем 5000 рублей! Что бы вы стали делать, изъав ее?!» — «Ну, мы бы у вас запаску взяли!» — «Но и запаска стоит значительно дороже, чем эти 5000!» (Смеется.) Они говорят: «Мы не знаем, у нас такое распоряжение». Просто картинка! Думаю, люди искали ну хоть чего-нибудь, прошерстили все базы данных: чем бы Евгения Алексеевича Киселева уесть?! Разумеется, на следующий же день я отдал деньги.

Деда Жень

— Вы хороший дедушка?

— (Улыбается.) Это надо спросить у моего внука. Наверное, не очень хороший. Не так у меня много времени, чтобы уделять достаточно внимания внуку. Но я молодой дедушка, так что воспринимаю его скорее как еще одного ребенка.

— Может Евгений Киселев поиграть в лошадку с внуком?

— Запросто. Ну, может быть, не в лошадку, а в другую игру — легко.

— Как внук вас называет?

— (С удовольствием.) Деда. Иногда, очень редко стал называть Женья. Почему бы нет? Я помню, когда был маленьким, одно время покойного отца называл не «папа», а «Алексей». Хотелось тем самым продемонстрировать отцу какую-то особую к нему привязанность, мужскую дружбу. Хотя потом, когда стал старше, понял, что это все-таки не совсем уместно. Но папа воспринимал мою фамильярность вполне адекватно.

— Вы рассказывали как-то, что в детстве вас дразнили «жиртрезом»...

— Да как меня только не называли — и Кисель, и Киса, и Сундук. Хотя с моих детских и юношеских фотографий на меня смотрит такой худенький молодой человек, что даже странно делается. Как меня могли дразнить из-за того, что я был плотнее, чем многие другие? (Немного обижено.) Все очень относительно, знаете ли.

— Евгений Киселев — лейбл...

— Это вам судить.

— ... никогда не было мысли открыть, скажем, марку одежды под своим именем — к примеру, для крупных мужчин?

— Да нет, господь с вами. Такая мысль мне даже в голову не приходила.

— Суета?

— Суэтоно, и в этом есть что-то... Как бы... Не знаю... В общем, мысль эта мне противна.

— Что читаете, кроме газет?

— Времени на чтение остается очень мало. Пытался читать в машине и даже испортил зрение. До сорока лет очки не носил вообще, в сорок лет пришлось обзавестись. Причем именно для чтения — вот вас я вижу прекрасно, а ни один текст без очков уже не прочту. В машине читать тяжело. Как-то бы хорошая машина ни была, все равно текст трясется. Поэтому читаю в основном на ночь, вызывая протесты домашних: «Когда ты ляжешь спать, сколько же можно сесть так не беречь?» У меня своеобразная манера чтения. Могу читать одновременно пять-шесть книг — в зависимости от настроения, переходя от одной к другой. Сейчас на столе лежит последний роман Акунина «Алмазная колесница», «Воспоминания» Александра Бовина. Чтобы быть в форме, обязательно читаю по-английски — основной мой рабочий иностранный язык. Но всегда — бовики, чтобы был дополнительный стимул (улыбается).

— Как отдыхаете?

— Очень люблю путешествовать. Однако возможностей не так много. Мой прежний график, когда я работал на НТВ и каждое воскресенье должен был выходить в прямой эфир с программой «Итоги», не позволял часто уезжать отдыхать. Плюс Россия страна большая и от остального мира находится достаточно далеко. Возвращение в Москву порой занимает целый день. Но время от времени удается куда-то выбраться. А так для меня иногда самый лучший отдых — с книжкой посидеть или в теннис поиграть, сходить в ресторан вкусно поесть, кино посмотреть по телевизору. В этом смысле я банален (Смеется.)

— Почему не носите обручальное кольцо?

— Да в какой-то момент это вышло из моды. И мы с женой, не сговариваясь, перестали носить кольца. Я женился в 74-м году, и тогда все ходило с обручальными. В 80-х вдруг мои товарищи сняли их. И до сих пор не носят. Я очень мало знаю мужчин, которые носят кольца. Даже сын мой походил походил с обручальным кольцом и перестал.

— Наверное, в такой форме у мужчин проявляется опасение потери свободы?

— Да нет... Тут что-то другое. Все-таки драгоценности на пальцах у мужчин — вещи очень обязывающие. (Смущенно.) Почти как серва в ухе.

Беседовала
Ника ДРАБКИНА